

УДВОЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СОКРОВИЩА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

20 СЕН 1983

В гостях у Микола Львовича Нагнибеды,
которому сегодня исполняется 70 лет

БЫЛО это двенадцать лет назад. Участники Декады украинской литературы и искусства в РСФСР, приехав в Магнитогорск, разбились на группы для творческих встреч. Писатели и журналисты пошли в городскую газету «Магнитогорский рабочий», где собрались и местные литераторы. Обязательные приветствия, рукопожатия, улыбки, смущение первых минут знакомства. И вдруг два человека обнимаются, приветствуют друг друга как старые добрые друзья. Встретились уральский поэт Борис Ручьев и украинский Микола Нагнибеда, воцарилась сердечность, у всех пропало смущение, стало всем тепло и уютно. Я напомнила Миколу Львовичу этот эпизод, ибо он прямо касался предмета нашего разговора о теме дружбы народов в его творчестве, о его связях с литераторами братских республик.

— Да, с Борисом Ручьевым, безвременно ушедшим от нас несколько лет назад, мы были действительно друзьями со сходными судьбами. Оба становились поэтами в рабочей среде. Он — на Магнитке, я — в Харькове, а потом на Днепро-строе. Для обоих навсегда тема рабочего класса осталась важнейшей. А главное, мы с ним — малеевцы. Впрочем, сегодня это название не для всех ясно. Дело в том, что в 30-м году по инициативе Максима Горького были организованы курсы комсомольских писателей, на основе которых потом был создан литературный институт. Находились они в Малеевке под Москвой. Училось нас там 60 человек из всех республик. И коллектив не распался и потом. Мы сохранили самые дружеские чувства, каждая встреча — радость.

А вообще судьба меня щедро наделила друзьями, людьми, близкими по духу, которые переводят мои стихи и на грузинский, и на казахский, и на литовский, и на другие языки. И я перевожу с различных языков, стремясь внести свой вклад в обогащение украинской литературы произведениями других народов, помочь нашим украинским читателям увидеть, узнать всю красоту и богатство многонациональной советской поэзии.

— Больше всего вы переводите с белорусского?

— С белорусами у меня особенно тесная дружба. А началось все очень давно. Еще в 1931 году в Харьков, где я тогда работал на паровозном заводе и делал первые шаги в литературе, приехал Янка Купала. Он хотел познакомиться с молодыми украинскими литераторами и, в свою очередь, познакомить их с белорусской литературой. Мы проговорили целый вечер, и у меня возникло огромное желание побывать на земле этого замечательного поэта, как бы прикоснуться к корням общности русских, белорусов и украинцев. Средством для этого я избрал путешествие на лодке от Смоленска до Киева, во время которого очень близко ознакомился с бытом, обычаями, культурой белорусского народа и полюбил его. Вернувшись домой, сразу же задел за переводы стихов Янки Купалы. Во второй раз я поехал в Белоруссию вместе с Максимом Рыльским, который очень поощрял мою переводческую деятельность вообще и, в частности, углубленную работу в области белорусских переводов. Максим Танк, Петрусь Бровка, Аркадий Кулешов, Анатолий Велюгин — это имена моих литературных братьев. С последним мы вместе работали над двухтомной «Антологией белорусской поэзии», которая вышла в свое время в «Дніпрі» и над двухтомной же «Антологией украинской поэзии», вышедшей в издательстве «Мастацька літаратура». А с Аркадием Кулешовым мы стали просто близкими друзьями.

Даже если не знаешь обо всем этом, то, зайдя в кабинет Микола Львовича, непременно обратишь внимание на обилие книг белорусских поэтов. Это и подарки побратимов, и книги, переведенные Нагнибедой. А на столе верстка журнала «Полымя», которую прислали друзья из Минска. И в нем строки Максима Танка: «Миколу Нагнибеду мы считаем своим, белорусским поэтом...». Это ли не яркое признание заслуг во взаимообогащении литератур? И хочется привести еще здесь слова Платона Воронько об одной из поездок в Белоруссию: «Повсюду, где мы бывали, Миколу Львовича принимали как

своего земляка, как члена своей литературной семьи... Войти в круг другого народа так близко — это очень большое счастье, это расширение своего духовного мира до таких широт, что человек удваивает свои человеческие сокровища — глубину души».

А Максим Рыльский назвал Миколу Нагнибеду певцом дружбы советских народов.

— Оценка Максима Фадеевича мне чрезвычайно дорога, — говорит Микола Львович, — ибо нет, наверное, поэта, которого бы я так уважал, как его. Нечасто земля рождает таких людей. Тема же дружбы народов мне кажется органической для нашей литературы вообще. Ее определила сама суть Октябрьской революции. Мы богаты и горды этим чувством дружбы. Оно — одна из главных черт советской литературы.

Наша жизнь дает множество волнующих примеров дружбы народов, вдохновляющих и на пафосные, и на лирические стихи. И обидно бывает, когда иной раз здесь встречаешься с риторическими, холодными строками. Я не признаю риторики, она обедняет, мельчит тему. Нужна глубинность в подходе к ней, чувство. Меня, как правило, вдохновляет конкретный факт. Днепрострой был стройкой всенародной, а именно ему посвящена моя первая книжка «Дніпровська весна». И в поэме «Правий берег» о рабочих, поднимающих из руин Запорожье, чувство братства народов — одна из ведущих тем. «Лист івановським ткалям», «Дорога до друзів» (о грузинских виноградарях), «Балада про двох моряків»... Не хочу утомлять названиями, но всюду мотивы дружбы народов рождались из жизненных наблюдений, переживаний. Так и в моих белорусских поэмах. «Дзвони Хатыні» я написал после посещения мемориала. Он произвел на меня такое впечатление, что, возвратясь в Минск, я заперся в номере гостиницы и почти не выходил из него, пока не закончил поэму. Кстати, впервые она была издана в Минске на трех языках — украинском, русском и белорусском — в одной книжке.

И замысел «Василька» родился во время поездки в белорусское местечко Лоев, где я встретился с героем будущей поэмы. Его малышом-сиротой подобрал старшина Левчук. Принес в дом лесника как своего сына и попросил присмотреть до Победы. Часть с боями ушла вперед, Левчук писал, а затем пришла «похоронка», погиб геройски старшина на Дунае. Когда мальчик вырос, лесник рассказал ему обо всем. Парень разыскал жену и дочь погибшего старшины, привез их к себе в Белоруссию, и живут они вместе и поныне. Не рассказать эту трогательную историю я просто не мог.

Все в стихах тесно переплетено, все взаимосвязано, как в жизни. Судьбы людские, труд вдохновенный и ратные подвиги, простор и красота родной земли рождают поэтические образы, для всего поэт находит слова, исполненные партийной страстности. О многом хотелось бы еще поговорить с Миколой Львовичем. И о его путях-дорогах, и о встречах с читателями, и о творчестве, и о взглядах на поэзию, и просто о каких-то житейских вещах. Но нельзя злоупотреблять гостеприимством. А ответы на многие вопросы, наверное, надо искать в его стихах — и в тех, что опубликованы в многочисленных изданиях, и в тех, что еще выйдут из-под его пера.

Л. КЛЕВЦОВА.